

А. А. Алексеев

**БЫВШИЙ еврей за монастыри
и монашество**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. А. Алексеев**
Бывший еврей за монастыри и монашество / А. А. Алексеев – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-458-12164-4

ISBN 978-5-458-12164-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

БЫВШІЙ ЕВРЕЙ ЗА МОНАСТЫРИ И МОНАШЕСТВО.

«Кажется, ни одна современная семейная бесѣда не обходится безъ того, чтобы не потолковали о монастыряхъ и чтобы кто нибудь не поглумился надъ ними, особенно, когда этою бесѣдою заправляетъ какой нибудь прогрессистъ. Въ виду этого-то я и рѣшился высказать свое посильное слово въ отвѣтъ на современные толки о монастыряхъ. Знаю напередъ, что не только прогрессистъ, но и тотъ, кто знакомъ съ моими статьями о современной жизни евреевъ, скажетъ, что я берусь не за свое дѣло; но мнѣ думается, что говорить о томъ, что близко сердцу и касается христіанской святыни, можетъ и долженъ каждый православный христіанинъ. И почему же не сказать? Если природный русскій человѣкъ-христіанинъ не стыдится говорить дурное о монастыряхъ, то почему жемнѣ, бывшему еврею, не сказать о нихъ правдиваго слова своего?»

Прогрессисты говорятъ, что монастыри наши будтобы перестали быть тѣмъ, чѣмъ они прежде были и чѣмъ должны быть, что они не выполняютъ уже нынѣ той высокой задачи, какую выполняли древніе монастыри, не могутъ способствовать дѣлу спасенія христіанина; да и не за тѣмъ, говорятъ они, идутъ нынѣ въ монастыри, а для того, чтобъ пожить хорошо и беззаботно; стало быть ради общей пользы, ихъ нужно преобразовать и приспособить къ современной жизни и потребностямъ народа. Другіе прогрессисты идутъ еще далѣе: «въ наше время, говорятъ они, вовсе нѣтъ надобности въ монастыряхъ; прошла та пора, когда христіане нуждались въ нихъ; теперь слѣдовало бы замѣнить монастыри болѣе якобы полезными и болѣе необходимыми для народа учрежденіями—училищами, богадѣльнями и проч.»

Прежде всего, считаю нужнымъ оговориться, что подобный голосъ не есть голосъ народа (имѣнн въ виду массу народа), а голосъ чадъ Псава, ибо истинно-православные христіане не хотятъ, не желаютъ даже слышать ничего дурнаго о св. обителяхъ и, бѣда, если имъ кто нибудь скажетъ что нибудь недоброе о нихъ. Я въ этомъ убѣдился давно, когда былъ еще невѣрующимъ іудеемъ. Однажды, какъ теперь помню, стоялъ я на улицѣ, въ кружкѣ бывшихъ еднновѣрцевъ моихъ евреев; мимо насъ проходили богомольцы въ Кіевъ. Одинъ старый еврей-фанатикъ, желая поглумиться надъ нами, крикнулъ: «куда васъ, музиковъ то и дѣло несутъ перти,—все поди въ Кіевъ?» — «Да, идемъ туда, въ св. Кіевъ» сказалъ богомольецъ, «Богу помолиться и св. угодникамъ поклониться, которыхъ вы, жиды, не знаете, не понимаете и понять не можете.» — «А вотъ, сказалъ еврей, вашъ Кіевъ скоро провалится!» — «Какъ нашъ св. Кіевъ провалится? И ты, жидъ, смѣешь такъ говорить и желать?» — «Да, да, смѣю, желаю и очень желаю». «Выведенный изъ терпѣнія богомольецъ подошелъ къ еврею и, поднявъ внушительнаго свойства кулакъ надъ его головою, сказалъ: «а что, жидъ окаянный, будешь кричать, что Кіевъ провалится?» Еврей струсиль, и закричалъ: «ой вей, вей, (увы! увы!) нейнъ, нейнъ (нѣтъ, нѣтъ), не буду уже больше такъ говорить, ни за сто не буду!» — То-то же гляди, сказалъ богомольецъ, спокойно отходя отъ него.

Я рассказалъ эту сцену для того, дабы показать, что лучшимъ и вѣрнымъ судьей о монастыряхъ можетъ быть самъ народъ, который знаетъ ихъ лучше всякаго прогрессиста, рѣдко бывающаго въ св. обителяхъ, мало или даже вовсе незнакомаго съ ними и разсуждающаго о нихъ большею частію по наслышкѣ. А народъ во всеуслышаніе говоритъ, что ему дороги монастыри, что они были, есть и будутъ священны для него, что въ нихъ онъ видитъ болѣе точное исполненіе и соблюденіе уставовъ Церкви православной и всего того, что такъ дорого истинно-православному челоуѣку. Если современные монастыри

въ нѣкоторой степени и отступили, съ вѣншей стороны, от скромной обстановки древней пустынноческой жизни, то это нисколько не препятствуетъ имъ споспѣшествовать дѣлу спасенія и хотящій спастись можетъ и въ нынѣшнемъ монастырѣ найти надежное средство къ тому. Какъ лечебница, какова бы она ни была, приноситъ пользу обращающимся къ ней за помощію, такъ и монастыри, какъ духовныя лечебницы, помогаютъ духовно-немошнымъ, духовно-разслабленнымъ, ищущимъ у нихъ духовнаго врачеванія; а если въ эту лечебницу постоянно притекають за помощію, то, значить, она не потеряла своего лечебнаго свойства. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти сотни и тысячи иноковъ идутъ въ монастыри для того только, чтобы пожить беззаботно? Неужели всѣ они лгутъ? А богомольцевъ, идущихъ во многомъ множествѣ въ монастыри, что влечетъ туда? Спросите ихъ,—и они единодушно отвѣтятъ вамъ, что имѣють въ томъ необходимую потребность, что идутъ туда ради того, чтобы научиться въ св. обителяхъ христіанскому житію, примѣромъ котораго служатъ угодники Божіи, чтобы послушать опытныхъ старцевъ-иноковъ, и вынести назидательный урокъ и для своей жизни.

Конечно, маловѣръ посмѣется этому и непремѣнно объяснитъ цѣль посѣщенія обителей богомольцами тѣмъ, что крестьянинъ ходитъ по монастырямъ такъ-себѣ, отъ праздности. Недавно, нынѣшнимъ лѣтомъ, сидѣлъ я съ однимъ изъ такихъ господъ въ домѣ N... Къ окну подошли мужички съ котомками за плечами и, поклонившись, попросили напиться воды. Собесѣдникъ мой, не давъ имъ перевести духу и не утоливъ ихъ жажды, обратился къ нимъ съ слѣдующею диктаторскою рѣчью: «вы куда, мужичье, направляетесь?»—А идемъ, батюшка, свазалъ скромно сѣдой старичокъ, Богу помолиться, — кто къ Сергію преподобному, кто къ Тихону Задонскому, а я вотъ иду уже въ другой разъ въ св. Кіевъ поклониться тамошнимъ угодникамъ Божиимъ.—«Охота вамъ такую даль таскаться! Лучше бы сидѣли дома въ такое рабочее время и работали, чѣмъ тратитъ

понапрасну время. Вы не понимаете, что время—деньги, а денег бросать нельзя.»—Мы, родимый, не бросаемъ ихъ; но ради денегъ оставлять все намъ дорогое не приходится; вѣдь нельзя же, батюшка, обойтись и безъ того, чтобы не сходить въ св. обитель. Ты, пооди, родимый, думаешь,—продолжалъ богомольецъ,—что мы кудаемъ дѣло свое или сидимъ въ деревнѣ, сложа руки? Нѣтъ,—видитъ Богъ, что работаемъ вдоволь, да успѣха-то отъ нашихъ трудовъ нынѣ какъ-то мало: то хлѣбъ худо родится, то скотинка падаетъ; значитъ, мы много нагрѣшили. А гдѣ же и чрезъ кого искать милости Божіей, какъ не чрезъ св. угодниковъ? Вотъ мы, православные, и идемъ къ нимъ и, помолвившись, получаемъ чрезъ ихъ ходатайство милость Божию. И, какъ видите, баринъ, идутъ туда люди не молодые, а старики; такимъ-то ужъ пора подумать и о Богѣ и о душѣ,—да и дѣло то отъ этого не остановится. Вотъ, напримеръ, я 70-ти лѣтній старикъ, имѣю трехъ сыновей, съ которыми наработался вдоволь на своемъ вѣку; теперь имъ легко и безъ меня справиться. Я сказалъ имъ: дѣтушки, пустите меня помолиться св. угодникамъ! Они отвѣчали: иди, родимый батюшка, со Христомъ, помолись тамъ и за насъ грѣшныхъ! Ну, и идешь и помолишься не только за нихъ, но и за весь міръ православный. Стало быть, заключилъ старичокъ, урону то отъ нашего путешествія въ монастырь, для поклоненія св. угодникамъ, нѣтъ, а для души польза.»

Да еще какая польза-то, скажемъ мы отъ себя. Не только для богомольцевъ польза, но и для тѣхъ, у кого они бываютъ, по возвращеніи изъ монастырей. Поклонники разносятъ по православному міру много добраго, назидательнаго для души христианина; они всюду передаютъ о видѣнномъ и слышанномъ, и какъ благотворно отзывается все это на народной массѣ! Съ какою охотою пріемлется каждое ихъ слово! Кто изъ насъ не видалъ, какъ обступаютъ богомольца, поклонника св. мѣсть, когда онъ появляется въ домѣ поселянина? Первая, какъ водится, хозяйка дома, давъ лишь снять ему котомку съ плечъ,

осыпаетъ его вопросами: «ты, поди, родимый, отъ угодниковъ Божіихъ?»—Отъ нихъ, голубушка, отъ Кіевопечерскихъ угодниковъ.—Разскажи же, родименькій, какъ тамъ, у угодниковъ-то Божіихъ, что ты видѣлъ и слышалъ?—И языкомъ не вымолвить, отвѣчаетъ богомолецъ, какая тамъ благодать Божія... Легко сказать, чего мы, грѣшные, сподобляемся: ходимъ по св. пещерамъ, гдѣ спасались угодники Божіи и молились за насъ грѣшныхъ. Три раза въ день бываемъ у службы Божіей; а служба тамъ, въ св. обители-то, у угодниковъ Божіихъ, долгая и куда-какъ пріятная! Православные тамъ непрестанно молебствуютъ. Трудно, родимая, передать все то, что видишь тамъ; стоишь словно не на землѣ, а на небѣ. Не разстался бы съ св. обителью, и все бы глядѣлъ на св. угодниковъ Божіихъ, почивающихъ въ равахъ, какъ будто они только вчера скончались...

Слушающіе такіе разказы то и дѣло крестятся, такъ что, глядя на нихъ, видишь, что они какъ будто переносятся сердцами своими туда, откуда слышится голосъ православнаго о христіанской святынѣ. Богомолецъ, совершивъ свою миссію въ одномъ селеніи, переходитъ въ другое, съ тѣмъ же назидательнымъ словомъ. Къ подобнымъ разказамъ богомольцы присоединяютъ и многое другое, слышанное отъ иноковъ объ угодникахъ Божіихъ, какъ напримѣръ, подвизались они. Народъ составляетъ изъ этихъ разказовъ памятную книгу для себя, и старательно заучиваетъ то, что ему такъ дорого и пріятно. Эта книга завѣта постоянно находится съ нимъ, утверждаетъ и научаетъ его любить и почитать св. обители. Да и любить же онъ ихъ!...

Да, скажетъ прогрессистъ, правда, мужичекъ, живя въ простотѣ сердца, имѣютъ какую-то безотчетную привязанность къ монастырямъ, но современно-образованный человѣкъ не очень ихъ долюбиваетъ.—Смѣло можемъ увѣрить прогрессиста, что онъ ошибается. Истинно-просвѣщенный и образованный христіанинъ питаетъ такую же любовь къ современнымъ монастырямъ, какъ и престолюдинъ. Посмотрѣли бы вы, какъ много знат-

ныхъ особъ прїѣзжаетъ къ намъ, въ Великій Новгородъ, особенно въ св. четыредесятницу, чтобы здѣсь, по ихъ собственному выраженію, какъ въ мѣстѣ, окруженномъ святынею, достойно поговѣть. — «Я прїѣзжаю сюда, — говорила намъ одна весьма уважаемая особа, ежегодно прїѣзжающая изъ Петербурга въ Новгородъ, — чтобы здѣсь поспокойнѣе и поусерднѣе помолиться. Прежде потружусь, обхожу ваши св. обители, а потомъ ужъ въ одной изъ нихъ и прїобщусь св. Христовыхъ тайнъ. А у васъ въ Новгородѣ монастырей, слава Богу, много; я уже успѣла объѣздить нѣкоторые изъ нихъ, была въ знаменитомъ Юрьевѣ монастырѣ. Отстоявъ обѣдню, я приложилась къ мощамъ св. Феоктиста, архіепископа Новгородскаго; оттуда поѣхала въ Сквородскій монастырь поклониться почивающему въ немъ угоднику Божію, Моисею, а къ вечерни отправилась въ монастырь Варлаама Хутынскаго; тамъ я исповѣдалась и сподобилась прїобщиться; на другой день поѣхала въ Антоніевъ монастырь поклониться св. Антонію; тутъ видѣла я и тотъ камень, на которомъ угодникъ Божій чуднымъ образомъ приплылъ сюда изъ Рима. Была и въ другихъ монастыряхъ, и — повѣрите ли, — я вынесла изъ нихъ столько назидательныхъ утѣшеній для души своей, что и передать вамъ не могу.

Вотъ вамъ взглядъ и образованнаго человѣка на монастыри, — не тождественъ ли онъ со взглядомъ простаго вѣрующаго православнаго? Да какъ иначе и смотрѣть на нихъ? Такими показались монастыри и мнѣ съ перваго же раза. Расскажу этотъ случай, хоть бы для того, дабы показать, что я не безъ основанія сдѣлался почитателемъ монастырей, и почитателемъ не фальшивымъ.

Будучи еще іудеемъ, я наученъ былъ отцомъ моимъ, ревновавшимъ къ закону, свято хранить уставъ синагоги; а синагога учить бываетъ ежедневно на общественной молитвѣ, велитъ чтить святыя дни, праздники, посты и проч. и я тогда все это свято соблюдалъ. Когда я сдѣлался христіаниномъ, мнѣ тоже самое внушали и православныя пастыри. Но, возвращаясь

въ кругу свѣтскихъ людей, такъ называемыхъ, образованныхъ христіанъ, я замѣтилъ, что не всеми исполняется это. Одни считаютъ лишнимъ дѣломъ бывать въ храмѣ на молитвѣ, другіе не находятъ нужнымъ соблюдать посты; даже меня увѣряли, что въ этомъ нѣтъ особенной надобности для достиженія царствія Божія. Такое равнодушіе къ вѣрѣ и уставамъ св. Церкви вначалѣ, по обращеніи моемъ въ Православіе, смущало меня; но потомъ, привыкая къ образу жизни свѣтскихъ людей, среди которыхъ приходилось мнѣ вращаться, я самъ сдѣлался равнодушнымъ къ уставамъ Церкви. Бывъ въ Москвѣ, я каюсь въ этомъ приснопамятному Митрополиту Филарету. Владыка, выслушавъ меня, сказалъ: «а зачѣмъ ты берешь примѣръ съ дурныхъ? Обращайся всегда къ тѣмъ и туда, гдѣ можешь научиться доброму христіанскому житію, — съ такихъ бери примѣръ; а чтобы ты лучше уразумѣлъ правила христіанской жизни, съ которыми, безъ сомнѣнія, мало знакомъ, то съѣзди въ обитель препод. Сергія. Ты же кстати больной; помолишься ему, и онъ облегчитъ твои страданія, какъ тѣлесныя, такъ и душевныя.» Я воспользовался благимъ совѣтомъ великаго архипастыря. Пріѣхавъ въ обитель и, не зная куда голову приклонить, я подошелъ къ первой кельи и давай стучаться; мнѣ не отворили; я — къ другой, — но и тутъ тоже. Тогда я спросилъ проходящаго монаха: живутъ ли тутъ? — Какъ же, отвѣтилъ онъ, и сотворилъ молитву: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ;» въ кельѣ послышалось «аминь,» и дверь отворилась. Вотъ тебѣ, подумалъ я, урокъ первый — входить въ домъ съ молитвою. Вошедшій со мною въ келью перекрестился, а я только поклонился. Монахъ спросилъ: «а вы, батюшка христіанинъ? — Да, недавно крестился. — Это и видно, потому что природный истинно-православный христіанинъ, входя въ домъ, ограждаетъ себя крестнымъ знаменіемъ; это подобаетъ и вамъ дѣлать, какъ уже христіанину.» Я покраснѣлъ; мнѣ стыдно стало того, что я вошелъ, подобно еврею, въ келью инока, не оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ. Вотъ тебѣ, сказалъ я самъ себѣ, урокъ

второй! Монахъ просилъ меня присѣсть и повелъ весьма назидательный разговоръ о св. угодникѣ Сергѣѣ, о св. обители, объ иноческой жизни, такъ какъ обо всемъ этомъ, прежде всего, я и спрашивалъ у него. Каждое его простое и искреннее слово ложилось такъ плотно на душу, что у меня наворачивались слезы на глазахъ. Во время собесѣдованія нашего съ нимъ, слышался монастырскій благовѣстъ. Монахъ торопливо сталъ собираться; а я, желая его еще послушать, сказалъ: «еще успѣемъ, батюшка; вѣдь теперь будутъ часы только читать...» — А вы думаете, сказалъ монахъ, что часы можно пропустить? Можетъ быть, по вашему, по мірскому сужденію, часы дѣло второстепенное въ богослуженіи; а по нашему, важно и свято все, что положено читать уставомъ православной Церкви. Пойдемте-же скорѣе; не время разсуждать теперь, договоримъ послѣ: Вотъ тебѣ, Александръ, третій урокъ, котораго я вѣкъ ужъ не забуду!.. «Я, продолжалъ монахъ, самъ проведу васъ къ угоднику; иначе вамъ, какъ больному человѣку, трудно будетъ пройти; народу постоянно много въ церкви.» Мы пошли. Войдя въ храмъ, я былъ удивленъ благолѣпіемъ его и стройнымъ церковнымъ пѣніемъ; въ устахъ монаховъ оно слышалось такъ чудно, что невольно вызывало благоговѣніе и умиленіе въ душахъ предстоящихъ и молящихся. Это не наше, подумалъ я, жалобное и гнусливое пѣніе, совершающееся въ бѣдной іудейской синагогѣ, къ которой я нѣкогда принадлежалъ. Подобнаго богослуженія, надо сознаться, я не слыхалъ ни въ одной изъ приходскихъ церквей. Съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ я на множество богомольцевъ, изливавшихъ здѣсь душу свою предъ Богомъ; глядя на нихъ, у меня какъ бы невольно преклонялись расслабленные колѣна (я пораженъ параличемъ конечностей членовъ) и молился отъ души со всеми предстоящими. Вотъ гдѣ мѣсто, говорилъ мнѣ внутренній голосъ, гдѣ можетъ спастись каждый, ищущій спасенія. Вотъ гдѣ можно брать христіанскіе уроки, какъ стоять на молитвѣ и какъ молиться! Вотъ оно, это священное христіанское училище, кото-

рое просвѣщаетъ и научаетъ такъ хорошо и такъ вѣрно православный народъ святой истинной вѣрѣ въ Бога и святыхъ Его! Вотъ почему прививаются такъ прочно правила св. Церкви къ простодушинамъ, притекающимъ съ вѣрою и простотою сердца подъ кровь обителей и къ почивающимъ въ нихъ св. угодникамъ.

По окончаніи богослуженія, монахъ повелъ меня въ трапезу. Здѣсь я былъ также удивленъ поучительнымъ и истинно-христіанскимъ общаємъ, нигдѣ доселѣ невиданнымъ мною въ мірѣ: во все время трапезованія, одинъ монахъ читалъ во всеуслышаніе мѣста изъ Свящ. Писанія, и всѣ съ глубокимъ вниманіемъ слушали читаемое, такъ что, казалось, пища вкушающихъ составляла какъ бы постороннее дѣло, а существенною было слово Божіе. Такъ ли бываетъ, подумалъ я, за мірскимъ столомъ? И опять урокъ: *еще ясте, еще ли ѣдете, вся во славу Божію творите.*

Предоставляемъ теперь право судить самому рьяному прогрессисту и рѣшить, но только безпристрастно:—гдѣ лучше и спасительнѣе можетъ назидаться христіанинъ—въ мірѣ, или въ монастыряхъ,—тамъ ли, гдѣ все направлено къ соблазну и вѣчнымъ житейскимъ суетамъ, или же тамъ, гдѣ тихо, спокойно и безмятежно все располагаетъ къ вѣрѣ, благочестію и къ точному исполненію уставовъ православной Церкви,—да потомъ и сказать: утратили ли современные монастыри значеніе свое?

Разсмотримъ теперь, насколько вѣрны толки и обвиненія прогрессистовъ, направленные противъ монаховъ и ихъ жизни. Я тѣмъ болѣе считаю нужнымъ обратить вниманіе на это, что подобныя толки проникаютъ нынѣ всюду въ общества и вездѣ находятъ отголосокъ, даже между вѣрующими, которые, не провѣривъ словъ маловѣровъ, повторяютъ ихъ нелѣпыя толки. Я недавно испыталъ это именно тогда, когда писалъ эти строки. Ко мнѣ зашелъ одинъ знакомый господинъ; заставъ меня за статью и узнавъ содержаніе ея, онъ сказалъ: «вотъ вы ратуете за монастыри и готовы расцѣпляться за монаховъ; а

послушали бы что нынѣ говорятъ и даже пишутъ въ газетахъ противъ монаховъ и ихъ праздной жизни, да пишутъ не кто нибудь, а люди, знающіе ихъ быть,—люди, которые заинтересованы жизнью духовенства и чуть ли сами не принадлежать къ левитскому племени!—Чему же вы тутъ удивляетесь, сказалъ я,—и всегда было такъ. Вѣдь на Моисея и Аарона поднимали ропотъ и обвиненіе не кое-какіе люди, а почетные израильтяне: Корей, Дааанъ и Авиронъ,—но праведно ли было ихъ обвиненіе? Тоже самое можно сказать и объ обвиненіи монаховъ. Таковъ ужь долженъ быть удѣлъ всѣхъ подвизавшихся и подвизающихся о Господѣ: *будете*, говорятъ Спаситель, *ненавидими имени Моего ради*. Вѣдь ничего нѣтъ легче, какъ судить другаго; мы всегда видимъ спицу въ глазу ближняго, а у себя и бревна не чуемъ.—Чтожь вы хотите этимъ сказать, прервалъ меня знакомецъ, клеветуютъ, что ли, на монаховъ?—А вы ужь и убѣдились, что монахи плохи, вѣри безъ разбора тому, что пишутъ въ газетахъ и забывая, что не всякому слуху надобно вѣрить? Нужно, прежде всего, испробовать и узнать, дѣйствительно ли монахи такъ плохи, чтобъ можно было ихъ обвинять. Признаюсь, когда мнѣ кто нибудь говоритъ нехорошее про монаховъ, я прихожу къ той мысли, что должно быть и мы-то, современные люди, не очень хороши. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь монахъ не съ неба же свалился, а отъ насъ же изыде, изъ міра пошелъ въ монастырь. Иной, проведши большую часть жизни въ мірѣ, свыкшись со всѣми его слабостями и лишь въ преклонныхъ лѣтахъ сознавъ свою грѣховность, вздумаетъ идти въ монастырь, чтобъ спасти свою душу,—и вотъ такой-то человѣкъ, поселившись въ обители, естественно не вдругъ можетъ взойти на ту высоту христіанской жизни, на которой мы желали бы видѣть его, или же, восходя на нее, нерѣдко, по свойственной человѣку немощи, опять падаетъ. И вотъ мы, замѣтивъ въ такомъ монахѣ какую нибудь погрѣшность, начинаемъ судить и поносить уже всѣхъ монаховъ, забывая свои собственные слабости, а не знаемъ того, что